

ein Anwachsen des Nationalgefühls zu erwarten. Leider wirken auch einige gegensätzliche Kräfte auf diesen in Gang gesetzten Prozeß ein, von denen der Rückgang in der Benutzung der karelischen Sprache die negativste ist, die positivste aber das Zusammenwirken des Verhaltens der Karelrier und der Versuche der Wiederbelebung der Sprache. Wenn aber die Bedeutung des Sprechens der Sprache im Alltag nicht schnell ins Bewußtsein eindringt, sind die Karelrier trotz aller Bemühungen — sowohl als Sprachkollektiv als auch als Volk — dazu verdammt, in Vergessenheit zu geraten.

Gegenwärtig gibt es ungefähr 130 000 Karelrier, von denen nur jeder zweite die karelische Sprache beherrscht. Von den Einwohnern der Karelischen Republik sind lediglich etwas mehr als 10 % Karelrier. Im Gegensatz zum Eigentlich-Karelischen Dialekt und zum Lüdischen sind die olonetzischen Siedlungen kompakt und mancherorts sogar in der administrativen Einheit in der Mehrheit. Man rechnet, daß es etwas über 20 000 Personen gibt, die den olonetzischen Dialekt sprechen und von denen 19 000 im Landkreis Olonetz leben. Die restlichen olonetzischen Dörfer liegen in den Landkreisen Pitkäranta und Prääsä. Im Landkreis Olonetz liegt der Prozentsatz der Karelrier bei 69,1, in der Stadt selbst bei 56,4. Auf dem Olonet-

zischen gründet sich die erste wiedergeschaffene Schriftsprache des Karelischen. Aus diesen Gründen stellen die olonetzischen Karelrier im Vergleich zu den anderen karelischen Dialekten in ihrer Art eine Idealvariante dar. Und trotzdem schreitet die Russifizierung voran.

Ist der Sprachwechsel nur ein Problem der olonetzischen Karelrier? R. Pyöli legt Vergleichsmaterial über die Lage von Minderheitssprachen in Europa, Asien, Amerika und Australien vor. Alle Minderheitssprachen trifft das gleiche Schicksal: das Zurückweichen vor einer größeren und mächtigeren Sprache.

Die besprochene Untersuchung stellt wissenschaftlich argumentiert die gegenwärtige Sprachsituation der olonetzischen Karelrier und Tendenzen in ihrer Entwicklung dar. Unter Benutzung der Methodik von R. Pyöli ist es möglich, ähnlich orientierte Forschungen über andere kleine (finnisch-ugrische) Sprachen anzustellen.

Und abschließend könnte man sich fragen: Warum ist diese Forschung in Finnland und nicht in Karelien zustande gekommen? Wohl aus dem Grunde, weil eine außenstehende Person Dinge wahrnimmt, die die von den Ereignissen betroffene Person gar nicht erkennt.

JAAN ÖISPUU (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1997.1.12>

З. Г. Зорина, Фонетические особенности функционирования русского языка в условиях двуязычия (Экспериментально-фонетическое исследование на материале русской речи горных, луговых мари и русскоязычного населения Республики Марий Эл). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, С.-Петербург 1996.

3 октября 1996 г. на Совете по защите докторских диссертаций Д.063.57.08 при С.-Петербургском университете состоялась защита докторской диссертации на тему «Фонетические особенности функционирования русского языка в условиях двуязычия (Экспериментально-фонетическое исследование на материале русской речи горных, луговых мари и русскоязычного населения Республики Марий Эл)» заведующей кафедрой иностранных языков Марийского университета З. Г. Зориной. Официальными оп-

понентами выступили доктор филологических наук профессор С.-Петербургского университета В. Б. Касевич, профессор Марийского университета И. Г. Иванов и профессор Омского университета Б. И. Осипов.

Исследованим марийского языка З. Г. Зорина занимается давно. Ее научные интересы направлены на решение проблем фонетики. По избранной теме она неоднократно выступала с научными докладами на международных и всероссийских конференциях, опубликовала ряд статей. Работа, успешно

защищенная в С.-Петербурге, представляет собой обобщение многолетних кропотливых изысканий ее автора.

Хотя З. Г. Зорина анализирует проблемы освоения русской речи, ею затронуты многие теоретические вопросы марийского и финно-угорского языкознания, которые подчас решаются неординарно. Поэтому данный труд представляет интерес для финно-угроведов.

Работа посвящена изучению русской речи населения Республики Марий Эл. В качестве объекта исследования выбран один аспект темы — фонетический. Республика Марий Эл, как и многие другие регионы России, неоднородна по национальному составу. В ней проживают в настоящее время представители более чем 70 национальностей. Однако основную часть населения республики составляют марийцы и русские, представленные примерно в равной пропорции. Поэтому правомерно, что З. Г. Зорина сосредоточила свое внимание на фонетических особенностях речи именно этих групп населения. Особенность языковой ситуации в Марий Эл состоит в том, что марийское население, владеющее родным языком, в большинстве своем проживает в окружении местного русского сельского населения, речь которого в определенной мере отличается от литературной нормы русского языка. Сельское марийское население хорошо владеет родным языком — в большинстве случаев, особенно в бытовом общении, это диалектные варианты марийского языка, а не литературные нормы. Литературный марийский язык в силу сложившейся в республике языковой ситуации еще не внедрил во все сферы жизни марийского общества. Все это не может не отражаться на произносительных особенностях русской речи марийцев. И это несмотря на то, что русским языком марийские дети в основном овладевают в школе, т.е. учат их правильной русской речи. Названные обстоятельства учтены, конечно, в работе.

З. Г. Зорина представила серьезное научное исследование. На 475 с. на базе экспериментальных данных проведен обстоятельный анализ фонетической стороны русской речи жителей Республики Марий Эл, сделана попытка научного обобщения полученных (информативных) результатов. Работа состоит из шести глав и обширного приложения, в котором представлены спектрограммы слов из исследованных текстов.

Подобное глубокое экспериментальное исследование особенностей русской речи марийцев осуществлено впервые. Правда, некоторые попытки изучения произношения русских звуков марийцами в свое время предпринял Л. П. Грузов, кстати, З. Г. Зорина почему-то совершенно не обращалась к его работе (Обучение мари русскому произношению, Йошкар-Ола 1972).

В рецензируемом исследовании З. Г. Зорина дает свое понимание некоторых фонетических явлений марийского языка. Например, она выделяет в горном наречии т.н. гортанную фонему (с. 92—96), с чем, кстати, можно поспорить, по-своему характеризует лабиальную гармонию гласных в марийском языке (с. 59—65), интересные выводы сделаны ею в отношении реализации в марийской речи русских безударных гласных (с. 203—207), реализации согласных в русской речи марийцев (с. 282—284), согласных в консонантных группах (с. 318—319) и т.д. Конечно, не со всеми из них можно согласиться, о чем будет сказано ниже. Однако представлено новое видение явления — а это факт, заслуживающий внимания.

Работа снабжена многочисленными графиками и таблицами. В них впервые наглядно представлены особенности реализации русской речи в марийском произношении.

Думается, что объективен вывод автора о том, что «нельзя выстроить четкую систему фонем и их аллофонов для русской речи марийцев, в настоящее время можно говорить о тенденции к возникновению такой системы» (с. 321). То же следует отметить относительно вывода об отклонениях от норм правильной русской речи, которые заметно различаются у городских и сельских марийцев (с. 339—340).

Наблюдения и выводы автора выходят за рамки традиционного представления об особенностях освоения фонетической системы русского языка марийцами. До нее исследователи совершенно не обращали внимания на то, что в диалектных группах возможны свои особенности отклонения от нормы. На слух они не воспринимаются, и потому на них почти не реагируют. Обнаружить их можно только экспериментальным путем. Поэтому рецензируемое исследование важно прежде всего с точки зрения теоретической. Оно может помочь лингвистам по-новому взглянуть на проблемы марий-

дут полезны при разработке общей теории билингвизма, при изучении теоретической фонетики как русского, так и марийского языка. Они будут весьма полезны также при практическом обучении марийцев правильному русскому произношению, помогут избежать многих ошибок в овладении неродным языком.

Рецензируемое исследование — результат многолетнего кропотливого труда. Занимаясь преподаванием иностранных языков, З. Г. Зорина имела возможность наблюдать отклонения в неродной речи марийцев. Это побудило ее всерьез заняться выяснением причин данного явления. В результате появилась работа, вылившаяся в солидное исследование, которое, надо полагать, будет продолжено и на других языковых уровнях. В Марийском университете, где работает З. Г. Зорина, уже функционирует научная лаборатория по изучению проблем языковых взаимодействий, которой руководит автор данной работы. Таким образом создается новое научное направление в финно-угроведении.

Оценивая работу в целом как глубокое научное исследование, весомый вклад в общее и финно-угорское языкознание, хотелось бы обратить внимание и на некоторые, на наш взгляд, неточности. С отдельными рецензент не может согласиться принципиально. К ним прежде всего следует отнести утверждение о «двух марийских языках». В работе настойчиво подчеркивается мысль о существовании у одного народа двух языков. Создается впечатление, что автор, последовательно употребляя выражение «марийские языки», хочет убедить читателя в функционировании двух самостоятельных марийских языков — лугового и горного, и кажется, что само исследование направлено на доказательство этого положения. Рецензент, вплотную занимающийся проблемами языковой ситуации марийского народа и функционированием его языка, не может согласиться с подобной трактовкой проблемы. Речь горных марийцев — это не самостоятельный язык, это одна из диалектных разновидностей общенародного марийского языка, точно так же как и луговое, восточное или северо-западное наречия. Дискуссия по этому поводу здесь, наверное, не уместна — речь идет о другом. Остается только сожалеть, что З. Г. Зорина, при-

держивавшаяся в своих прежних трудах иной точки зрения, почему-то круто изменила позицию.

В работе анализируются фонетические отклонения в русской речи у представителей двух этнографических групп марийского народа. Несмотря на вышесказанное, такой подход к проблеме, нам кажется, допустим, поскольку марийский литературный язык существует в двух формах, базирующихся на различных диалектах. Поэтому, может быть, было бы лучше подзаголовок сформулировать иначе, потому что луговые марийцы, один из объектов исследования, в диалектном отношении также далеко неоднородны. В состав диалекта входит четыре говора (а не три, как утверждает автор), довольно заметно отличающихся друг от друга и прежде всего в фонетическом отношении, в том числе по количеству фонем. Поэтому, если мы ищем разницу между луговыми и горными марийцами, то такие же различия нужно искать между представителями, скажем, волжского или йошкар-олинского диалектов и моркинско-сернурского говора, диалектной базы лугового варианта марийского литературного языка. Но эти отклонения, в том числе и у представителей горного наречия, в общем-то однотипные для всего марийскоязычного населения, что, кстати, подтверждено и в самой работе: «горные и луговые мари как носители близкородственных языков (?) имеют общие по типу тенденции в отклонениях от нормативного произношения» (с. 342). И все же возникает вопрос: можно ли говорить об особенностях русской речи луговых марийцев вообще, если принять точку зрения автора, которая ориентирована на установление роли диалектных особенностей при освоении русской речи марийцами? В то же время необходимо подчеркнуть, что выявление особенностей реализации каждого конкретного звука речи в зависимости от диалектных особенностей тоже важно для науки. С этой точки зрения огромную работу, проведенную З. Г. Зориной, следует только приветствовать. Знание конкретных фактов необходимо, как и установление общих тенденций.

Нельзя согласиться с трактовкой в работе вопроса о лабиальной гармонии в марийском языке (с. 59—66). Губная гармония — характерное явление марийского языка. Особых доказательств ее существова-

ния не требуется, оно доказано давно — и не в угоду созданию единого литературного языка, как утверждается в работе (с. 60). Более того, конечное огубление имеется и в самом горном наречии — диалектной базе горного варианта марийского литературного языка. Но оно не фиксируется в горномарийской орфографии. Поэтому в силу действия закона «орфография предопределяет орфоэпию» у молодого поколения оно начинает, кажется, разрушаться. У более старшего поколения слова типа *корно, сузо, кого, родо, көргё, кўшö* произносятся с ощущаемыми на слух лабиальными гласными в абсолютном конце. Лабиальное оформление, и не только конечных гласных, в луговых и восточных диалектах — явление, обнаруживаемое даже без экспериментальных исследований. Конечно, в орфографии этим можно пренебречь, но никак нельзя отрицать его как фонетическое явление.

Не совсем понятно, что представляет собой «гортанная смычка», о которой говорится довольно пространно (с. 92—96). Самостоятельная ли это фонема, позиционный вариант или еще что-то? Характеристики этого звука в работе нет, приводятся лишь примеры, в которых он может встречаться. Своей необычностью проблема вызывает интерес у исследователей. Рецензент также заинтересовался ею и потому специально обращался к носителям горного наречия на предмет обнаружения этого звука. Однако ни один из информаторов не отреагировал на него как на смыслоразличительный звук, не «обнаружил» фонематического статуса его, о котором идет речь в работе (с. 96). Поэтому наличие такой фонемы, если она существует, надо доказать. Нам это кажется весьма сомнительным.

У рецензента есть и непринципиальные замечания по отдельным положениям работы. Среди них следует назвать в первую очередь неточные данные, приведенные в ней. Например, на с. 72 утверждается следующее: «Считается, что разница между консонантизмом горномарийского и лугомарийского языков заключается в том, что горномарийский имеет среднеязычное (*h*), а лугомарийский — заднеязычное (*ŋ*).» Во-первых, что значит «считается»? Кем считается — ссылки отсутствуют. Во-вторых, утверждение неточное: *h*, под которым имеется в виду звук *h'*, существует и в

луговых диалектах (в Йошкар-олинском говоре, например), а *ŋ* — и в самом горном. Нет точности и в таблице согласных (с. 73). Например, фонема *l* почему-то оказалась в группе среднеязычных, среди переднеязычных имеется фонема, обозначенная знаком *o*, в число общемарийских фонем включены *ф, х*, а фонема *б* почему-то в таблице не фигурирует.

Автор утверждает (с. 87), что фонемы *z, ẓ* в марийском языке имеют неограниченную дистрибуцию. Это не соответствует действительности: в начале слова в марийских словах они никогда не употребляются. На с. 94 З. Г. Зорина без ссылки приводит якобы принятое в традиционном финно-угроведении положение о том, что в начале слова могла выступать не только *k*, но и *h* — это неверно. Ошибочно утверждение о том, что в «исконных словах сочетания согласных в абсолютном конце отсутствуют» (с. 296). Ограниченно, но они всегда были и имеются в современном состоянии марийского языка, например, в словах *шикшалт, пудешт, мўки, лупш, карш, кўрт, курж, лупс* и т.д.

Неверно представлено также диалектное деление марийского языка (с. 38): в марийском языке не три, а четыре наречия. Иногда встречаются неточные выражения. Например термин «лугомарийский». Откуда он взят? В русском языке нет такого термина, есть «лугомарийский».

Однако отдельные упущения и неточности не умаляют общего значения исследования. В целом работа написана со знанием дела. С общим выводом о том, что русская речь луговых и горных марийцев «выступает как бы отдельными аналогами субстрата», которые представляют собой отражение психофизиологических произносительных возможностей членов данного языкового коллектива, и что это не третья языковая система, ведущая к возникновению билингвалектов, следует согласиться.

Работа, несомненно, является существенным вкладом в современную лингвистическую науку. Она может быть полезна как исследователям-теоретикам, так и практикам, преподавателям русского, марийского, а также иностранных языков. С появлением данной работы наши знания в области русско-марийских языковых контактов заметно расширились.

ИВАН ИВАНОВ (Йошкар-Ола)